

НА РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ

Не многим более трех лет назад в прямом эфире впервые прозвучала передача Ирины ЛАПИНОЙ "Как жить будем?". В отличие от большинства других передач того времени, выход Лапиной в прямой эфир не стал ни громом, ни молнией. Однако спустя некоторое время многие самые сенсационные из телевизионных новинок расплавились в собственном сиянии, канули в Лету. А авторская передача "Как жить будем?" осталась. Осталась, и окрепла, и вросла в российский телеэфир, став его неотъемлемой частью: каждую вторую субботу Ирина Лапина и ее властные гости в течение 45 минут прямого эфира РТР общаются между собой и — с помощью телемостов и многоканального телефона — со зрителями России и ближнего зарубежья. Передача ни разу не входила в число безусловных лидеров голубого экрана, но, кажется, именно это и спасло ее от краха и забвения, гарантируя долголетие. Студийные телефоники уже приняли свыше 55000 вопросов к Ирине и участникам передачи. В этом разговоре двух коллег, журналиста ТВ и журналиста-газетчика, тоже, кстати, не раз принимавшего участие в передаче "Как жить будем?", число вопросов множится. Но сегодня они касаются истории передачи и ее ведущей.

— Все три года вы работаете в прямом эфире, Ира. Это вид наркотика?
— Что-то в этом роде.
— Как все-таки можно характеризовать вашу передачу?
— Я не ломаю над этим голову. Я собираю людей "под тему", "под рубрику". Затем мы коллективно, в живом эфире ищем решение заявленной проблемы.
— Не наивно?
— Надеюсь, нет. Проблемы, которые обсуждаются публично, не перерастают в неразрешимые.

“Как жить будем?”

45 минут Ирины Лапиной

лит. газета. — 1995. — 29 марта. — с. 8.

— Но сбором людей "под проблему" занят каждый ведущий. Тот же Познер.
— Наверное. Но наши передачи разные. Я — в начале пути.
— Как и все российское телевидение?
— За все ТВ я говорить не вправе. Я говорю только о своей передаче. И о себе.
— Ваши гости — министры, депутаты, губернаторы — люди, как правило, властные, громкие, решительные. А ведущая — их полная противоположность. Так задумано?
— Так получилось. Но я очень быстро поняла, что нужно противопоставлять важности и громкости.

— Что?
— Абсолютную вежливость. Твердость и очень тихий голос.
— Тогда эта роль действительно для вас.
— Спасибо.

— Цените самостоятельность? Творческую свободу? Или свобода очень быстро оборачивается бесплодием, простоями?

— Я не знаю, что такое свобода на ТВ. Даже ночью, во сне ты окружен теми, от кого постоянно зависишь днем. Все разговоры о свободе ведутся исключительно философами и начальниками. Ну и политиками, желающими завтра тоже стать начальниками.

— Вам что же, даже сейчас диктуют тематику передач? Сегодня — о налогах, завтра — о беженцах, послезавтра — о местном самоуправлении? Или "подсказывают" имена участников? Или настаивают на том, чтобы вы как можно чаще приглашали в прямой эфир Чубайса? Или Шапошникова? Или на худой конец меня?

— Вы не так меня поняли. Или слишком буквально. Газетная журналистика — это просто другая профессия. Наша и ваша свобода — это разные свободы. Разные степени свободы.

— Пожалуй.

— Никто из нас, работников ТВ, не может сказать "я". На ТВ любое "я" — это "мы". Именно в этом смысле я говорю о своей собственной, изначальной несвободе. Я, конечно, сама определяю тематику передач, ее участников. Каждого сама "достаю", приглашаю, убеждаю, примиряю с оппонентом и т.д. Читаю почту, анализирую записку, встречаюсь с самыми разными чиновниками и формирую последующую передачу. Но это лишь часть работы. Во всем остальном я уже полностью зависима от телевизионных обстоятельств.

Например, от бестолковости, прямо-таки молекулярной, на грани помешательства, суеты, отсутствия постоянного режиссера и т.д.

— Много людей звонит в студию во время передачи?

— Наша передача — единственная, которая идет по всем "Орбитам" одновременно. Так что звонит "вся Россия" — начиная с Дальнего Востока и Сибири... А каждый звонок для абонента — удар по семейному бюджету.

— Странно, что звонят. Писем в газеты уже почти не пишут.

— Но мы обсуждаем темы, касающиеся жизни каждого. Мы не ведем схоластических споров. Мы — о налогах, приватизации, ценах, преступности.

— И все же чем, с вашей точки зрения, передача "Как жить будем?" отличается от других, собирающих под студию юпитеры не менее именитых личностей, а часто одних и тех же?

— Мною.
— Поздравляю. Телевизионная журналистика и правда отличается от газетной.

Первым гостем Ирины Лапиной в прямом эфире (и ее собственным первым появлением) был Иван Силаев — в то время заместитель председателя Совета Министров СССР. Лапина наивно разыскала по "09" телефон справочной Совмина, через справочную-приемную Силаева, а затем по обычному аппарату связалась и с самим зампредом. Согласие было получено быстрее, чем звонившая пришла в себя. Силаев приехал в студию за пару минут до эфира. Быстро оценив состояние хрупкой девушки-ведущей, он извлек из кармана какую-то таблетку и сказал: "На. Выпей. Для успокоения". Сам он, судя по его уверенному виду, выпил как минимум две подобные таблетки. С того раза Силаев, уже став премьером России, постоянно участвовал в передачах Ирины Лапиной.

— Как вы реагируете на неудачу?

— Я подхожу к любому знакомому и первая, не дожидаясь его слов, говорю: "Ну вот, провальная передача?" "Что ты, — возражает, как правило, любой, к кому

я подхожу, — нормально". А что еще женщине надо?

— Дурак в прямом эфире — это наказание для ведущего или облегчение?

— Я не знаю, как вам ответить.

— С большинством гостей вашей передачи вы, в сущности, не знакомы. Встречаетесь перед эфиром. Не опасаетесь неожиданностей?

— Я готовлю себя к любым ЧП. Но понимаю вас: даже от очень хороших знакомых не всегда знаешь, чего ожидать в следующую минуту. Даже от мужа.

— Или от жены.

— Или от жены, господи.

В свое время на ВДНХ существовал пресс-центр. В структуре пресс-центра — отдел кино и радио. Первокурсница вечернего отделения факультета журналистики МГУ Ирина Лапина явилась в отдел кино и радио и сообщила его руководителю о своем намерении — умею все! — работать в отделе. Вальжный начальник, куривший "Мальборо", едва не лишился чувств от застенчивого нахальства юной посетительницы.

Выставил вон.

Лапина вышла из одного здания и вошла в соседнее — в пресс-центр. Новый начальник оказался прозорливей. Он же оказался и начальником

того, у которого будущая ведущая только что побывала. Выслушав Лапину, большой шеф снял трубку и позвонил меньшему. "У тебя не найдется места для очень хорошей девочки?" "Для вашей знакомой — конечно!" — ответил подчиненный. Лапина вновь переступила порог отдела кино и радио. Увидев ее в дверях, любитель "Мальборо" громыхнул: "Я же тебе сказал — ни одного места у меня нет!" — "Но вам только что звонили". — "Это о тебе?" — "Да". — "Другое дело!"

Так она когда-то устроила свою судьбу.

И тогда, и потом свою судьбу она старалась устраивать сама.

— Какая из передач стала для вас лучшей в личном плане?

— Я пригласила в студию руководителей думских фракций и партий. Как они себя вели! Никто не подавал руки друг другу, мне постоянно ставили условия: в студии рядом с таким-то не сяду, в дискуссии в эфире участвовать не буду — сделаю только заявление и уйду и т.д. Мне было страшно на них смотреть. Дело шло к драке. Но все уладилось в прямом эфире — мне удалось их обезоружить. И уже после передачи — еще не меньше 45 минут — они толкались в коридорах студии, хлопали друг друга по плечам, дружелюбно и горячо доспаривали. Один из них, прощаясь со мной, даже сказал: "Быть тебе первой женщиной-президентом. Всех примирила!"

— По существу, ваша передача становится единственным публичным местом в России, где встречаются разведенные огромными расстояниями губернаторы.

— Именно поэтому — на базе, так сказать, передачи — мы и открываем первый в России "Телеклуб губернаторов".

— Идея что надо. Но и скука наготове.

— Думаю, разведем. С такими губернаторами, как Титов из Самары, Немцов из Нижнего Новгорода, Соловьев из Челябинска, Елагин из Оренбурга, не соскучишься. Люди дела, они не скушают. И другим не дадут.

...Название передачи "Как жить будем?" родилось после августа 91-го. Тогда все только и произносили эту фразу: "Как жить будем?" Так и назвали передачу. Против названия выступили все. А против всех выступил Олег Попцов. Он отстоял название.

— Три с лишним года — возраст для передачи солидный. Сколько, по-вашему, впереди?

— В России никто и никогда не сможет окончательно и исчерпывающе ответить на чисто русский вопрос: как жить будем? Так что жизнь у передачи, надеюсь, будет долгая.

Геннадий БОЧАРОВ